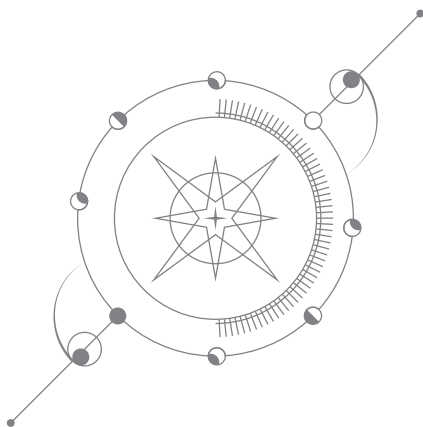

Шону,

*который всегда знал,
что однажды я приведу его в Невозможный город.
Спасибо, что верил в то, что я найду дорогу.*

КНИГА VII

КОНЕЦ

*Говорят, нечетным числам — будь то в рождении,
удаче или смерти — присуща некая божественность.
Уильям Шекспир «Виндзорские насмешницы»*

*Неважно, насколько красива ваша теория, неважно, насколько вы умны.
Если она не согласуется с экспериментом, она неверна[†].
Ричард Фейнман*

[†] Перевод Н. Г. Яцюк.

Провал

ЛЕНТА ВРЕМЕНИ:

опоздание в пять минут, тридцать секунд до конца света.

Так много крови. Роджер не знал, что в человеческом теле так много крови. Невозможная, нелепая, бессмысленная трата редкого и драгоценного ресурса, место которому — и это самое важное — внутри тела. Вся эта кровь должна быть внутри тела, которое ее породило, но она здесь, снаружи, и он тоже здесь, и все очень плохо.

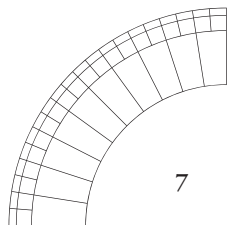
Доджер все еще жива, несмотря на кровь, несмотря ни на что. Грудь поднимается и опадает короткими, едва различимыми рывками. Каждый вдох дается с явным усилием, но она продолжает бороться за следующий. Она еще дышит. Еще *истекает кровью*.

Но это скоро закончится. В теле Доджер в буквальном смысле не останется ни кровинки. И, когда она перестанет дышать, он перестанет дышать вместе с ней.

Если бы Доджер очнулась, она охотно сообщила бы ему, сколько именно ее крови разлито вокруг. Она оглядела бы весь этот хаос. За секунду вычислила бы площадь залитой поверхности и объем жидкости и выдала бы конкретное число с точностью до четверти унции. Ей бы казалось, что таким образом она его утешает, даже если бы это число означало «я тебя покидаю». Даже если бы оно означало «пути назад нет».

Даже если бы оно означало «прощай».

Может быть, себя она бы и правда утешила. Вычисления сказали бы правду, а большего Доджер никогда не просила. Он знает подходящие слова: обескровливание, кровотечение, гиповолемия, — но слова не поддерживают его так, как

числа — Доджер. Никогда не поддерживали. Числа бесхитростны и послушны, надо только понимать правила, по которым они живут. Слова более коварны. Они изворачиваются, кусаются и требуют слишком много внимания. Чтобы изменить мир, ему нужно думать. Его сестра просто берет и *меняет* его.

Не без последствий. Именно так они и оказались здесь, по ту сторону садовой изгороди, в конце невероятной дороги, в конце всего. Они так и не добрались до Невозможного города и уже никогда не доберутся. Король кубков вновь побеждает.

Король кубков всегда побеждает. Любой, кто пытается утверждать обратное, — лжец.

Выстрелы снаружи становятся громче, но впечатляют меньше, чем он ожидал: как будто петарды взрываются внутри жестяной банки. Но петарды далеко не столь разрушительны. Тонкие стены становятся все тоньше. Пули выгрызают бетон, и люди, которые преследовали их на невероятной дороге, скоро окажутся внутри. Эрин не сможет сдерживать их вечно, как бы ни старалась.

Он смутно осознает, что и не хочет, чтобы она сдерживала их вечно. Если здесь все закончится для одного из них, пусть закончится для обоих. Пусть здесь все закончится раз и навсегда. Никто — даже он — не может идти по невероятной дороге в одиночку.

Он хватается Доджер за плечо, чувствуя, что она еще здесь, что она жива и *реальна*, и как можно осторожнее тормозит ее.

— Доджер. Эй, Додж. Эй. Ну же, очнись. Мне нужна твоя помощь. Нам нужно остановить кровотечение.

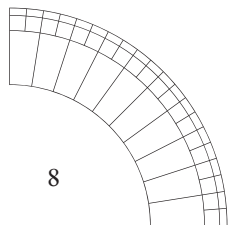
Ее глаза по-прежнему закрыты. Грудь вздымается и опадает, и с каждым разом дыхание становится все более поверхностным.

Так много крови.

Он знает много слов. Шок, летальный исход, чудовищно простая, чудовищно меткая *смерть*. Доджер снова оставляет его, на этот раз навсегда. Уходит. Уходит. Ушла.

— Не поступай так со мной.

Его собственные раны не так тяжелы. Единственная пуля попала в верхнюю часть бедра в самом начале боя. Она прошла навывлет, не задев крупные артерии, и Доджер тогда

была еще в силах помочь ему наложить жгут. Если ему как можно скорее не окажут надлежащую медицинскую помощь, он вполне может лишиться ноги. Но прямо сейчас он об этом почти не думает. Может, у него тоже шок. Может, он этого заслуживает.

— Ты не можешь уйти. Не можешь. Мы зашли слишком далеко. Слышишь? Ты не можешь уйти. Ты мне нужна.

Ее глаза закрыты. Так много крови.

Кое-что он все-таки может сделать. Возможно, это единственный вариант. Возможно, он с самого начала был единственным, и все шло именно к нему. Наверное, это провал, бегство обратно в сад, но ему плевать, потому что ее грудь едва вздымается, и крови так много, *так много крови*, и неважно, что он знает слова, все слова — для всего на свете. Числа забирают ее. Без нее он не может до них дотянуться.

— Я не справлюсь один. Прости. Я не справлюсь.

Он наклоняется к самому Доджер, касается губами его завитка. Волосы у нее липкие и гладкие от крови. Кровь пачкает его кожу, но он не пытается вытереть ее.

— Доджер, — шепчет он. — Не умирай. Это приказ. Это команда. Это требование. Делай что угодно, ломай что угодно, только *не умирай*. Это приказ. Это...

Это ее глаза — они открываются, зрачки сжаты в черную точку на серой радужке, как будто у нее серьезная передозировка опиатами. Это золотые искры на сером, яркие всполохи — Невозможный город пытается позвать ее домой. Он чувствует, как золото у него в костях откликается и тянется к золоту в Доджер, стремясь воссоединиться.

Это тишина — выстрелов больше не слышно. Они не смолкли постепенно, а просто прекратились, будто кто-то нашел, где у мира кнопка выключения звука.

Это мир становится белым.

Это конец.

Мы ошиблись мы ошиблись мы ошиблись мы ошиблись мы

В одном и том же самом обычном городе, на одной и той же самой обычной улице жили двое самых обычных ребяташек, чьи пути никогда не пересекались. Впрочем, в этом, к несчастью, не было ничего необычного: невидимая линия посреди квартала разбивала детей на тех, кто ходит в школу на западной стороне города, и тех, кто ходит в школу на восточной, и этот незримый барьер разделил этих двоих задолго до того, как они повзрослели и узнали, что он существует. Каждое утро они просыпались, одевались, целовали на прощанье родителей и, как обычно, шли по обычной улице через обычный город в двух противоположных направлениях.

Как это часто бывает с детьми, они были одновременно и очень похожими, и очень разными. Девочку звали Хефциба, потому что ее родители были людьми апатичными и эксцентричными. Они звали ее Циб, рассуждая, что имя Хефциба длиннее, чем ее тень. Каждый день они проверяли, не выросла ли она до своего имени, и каждый день разочаровывались.

— Скоро, — обещали они друг другу. — Скоро.

Мальчика звали Эйвери, потому что его родители были людьми практичными и энергичными. Они звали его Эйвери, когда были довольны, и Эйвери Александр Грей, когда сердились, и никогда не употребляли уменьшительных форм. Уменьшительные формы нужны тем, кому не подходят полные, поэтому родители мальчика, прежде чем дать ему имя, измерили его со всех сторон до последнего дюйма.

— Мы отлично справились, — уверяли они друг друга. — Мы справились.

Вот они, наши дети: обычные, ничем не примечательные, невероятно уникальные, как и все дети. Наша история начинается в обычный, ничем не примечательный день, какого никогда не было прежде и который никогда — сколько бы ни длилось и ни простиралось время — не повторится...

А. Дебора Бейкер «За лесогранной стеной»

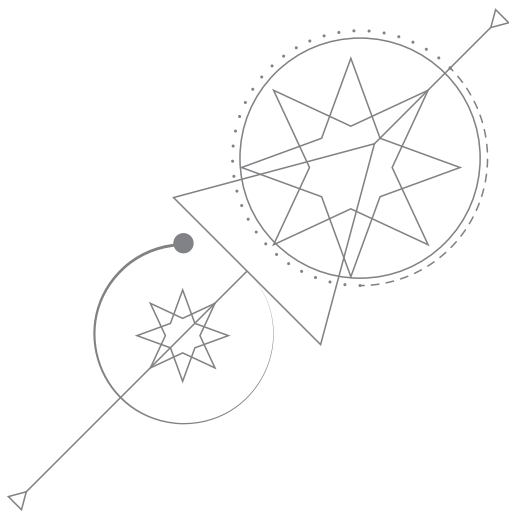
...Доктрина Этоса, описанная Пифагором, гласила, что определенные музыкальные инструменты и лады могут влиять на равновесие между Логосом (рациональным поведением) и Пафосом (эмоциональным восприятием). Позднее алхимики стали рассматривать Этос как связь между двумя половинками человеческого сердца, а еще позднее — как равновесие между языком и математикой, двумя основными методами, посредством которых человек всегда воздействовал на Природу и даже повелевал ей. Таким образом, Доктрину следует рассматривать как самое опасное и самое желанное из алхимических воплощений. Те, кто раньше других овладеет Доктриной, смогут повелевать всем на свете.

Дамы и господа Алхимического конгресса, вы знаете, на что я способна. Вы видели созданные мной шедевры, говорили с доказательствами моего мастерства. Я верю, что готова к воплощению Доктрины, если вы готовы позволить мне рискнуть.

Обращение Асфодель Д. Бейкер
к Американскому алхимическому конгрессу, 1901 год

КНИГА 0

НАЧАЛО

*Медицина покоится на четырех столпах:
философии, астрономии, алхимии и этике.*
Парацельс

Время — это материя, из которой я состою.
Хорхе Луис Борхес

Бытие

ЛЕНТА ВРЕМЕНИ:
11:14 CST[†], 31 октября 1886 года.

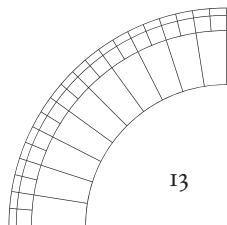
Воздухе потрескивает электричество, витает запах озона и ртути, чувствуется жгучий привкус алкагеста — универсального растворителя, который имеет неприятную склонность поглощать все на своем пути, если не хранить его должным образом. Произвести алкагест крайне сложно, уничтожить — еще труднее. И все же несколько капель этого вещества значительно упростят осуществление того, что считается невозможным. Растворить, судя по всему, можно даже смерть.

Женщина, называющая себя Асфодель, медленно кружит вокруг стола, стараясь найти изъяны в своем творении. И не находит, но продолжает беспокойно кружить, как акула, не желая переходить к завершающему этапу, пока не будет полностью уверена. Ее профессия требует уверенности — глубочайшей, твердокаменной уверенности в том, что ее воля достаточно сильна, а желания достаточно ясны, чтобы перекроить мир по своему образу и подобию.

Она еще не величайший алхимик своего времени, но она им станет. В *этом-то* она абсолютно не сомневается. Если придется силой тащить этих глупцов из Конгресса в то прекрасное светлое будущее, что она видит перед собой, — что ж, она сделает это без сожалений, пусть они даже будут визжать и брыкаться. Раз они не захотели последовать за ней, им должно хватить ума убраться с ее дороги ко всем чертям.

Асфодель Бейкер двадцать один год; остается тринадцать лет до публикации книги, которая закрепит ее наследие

[†] Стандартное центральноеамериканское время (UTC-6).

в умах и сердцах детей по всему свету, и двадцать три года до ее исчезновения и «смерти», и представить, что ее замысел провалится, она способна не более, чем бабочка — матанализ. Она перекроит мир по лучшему образу и подобию, чем те, по которым он создан сейчас, и никто ее не остановит. Ни ее родители, ни наставники и уж тем более не Алхимический конгресс.

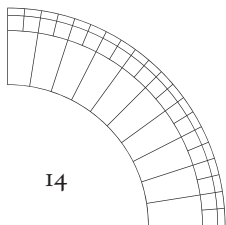
Она была одаренной ученицей — это признавали все, кто с ней сталкивался, все, кто видел, на что она способна. Отрицая ее мастерство, старая гвардия просто демонстрирует недалекость и злобу: они отказываются видеть, что сверкающее светлое будущее догоняет их, будто паровоз, несущийся на всех парах. Это ее время. Это ее место.

Это ее шанс показать им всем.

Асфодель прекращает кружить по комнате и берет заранее приготовленную чашу, содержимое которой сияет золотом с отблесками ртути. Макая пальцы в жидкость, она начинает рисовать руны на груди обнаженного безупречного тела, что лежит перед ней. Он прекрасен. Все, что понадобилось, — время, старание и доступ в несколько моргов с алчными беспринципными паразитами в руководстве. Каждая часть этого тела, которую она приобрела, соответствует тщательно выверенным характеристикам. Благодаря алкагесту от швов не осталось и следа. Универсальный растворитель в умелых руках имеет множество применений.

Закончив рисовать, она делает шаг назад и внимательно рассматривает свое творение. Так много в ее плане зависит от того, будет ли оно совершенным. Но что в действительности есть совершенство, как не торжество победы? Если он будет вести ее к победе, он будет совершенен, и недостатки не будут иметь никакого значения.

— Ты восстанешь против меня, мой прекрасный мальчик, — говорит она, и в ее голосе сплетаются сладость меда и горечь болиголова. — Ты свергнешь меня и поклянешься, что видел мои кости. Ты заберешь мою корону, займешь мой трон и понесешь мои труды в новый век и ни разу не оглянешься посмотреть, что следует за тобой по пятам. Ты будешь моей верной правой рукой и коварной левой, и когда ты упадешь, завершая мой замысел, то умрешь без сожалений. Ты сделаешь то, что не смогла я, рука твоя не дрогнет, а разум не будет колебаться. Ты будешь любить меня и ненавидеть и докажешь мою правоту. Это самое главное: ты докажешь мою правоту.

Она ставит чашу и берет флакон, наполненный жидким звездным светом, — перламутр будто танцует, переливаясь в стекле. Подносит флакон к его губам и какает одну-единственную каплю. Мужчина, собранный ею из мертвых тел, делает вдох, открывает глаза и с удивлением и страхом смотрит на нее.

— Кто ты? — спрашивает он.

— Асфодель, — отвечает она. — Я твой учитель.

— Кто я? — спрашивает он.

Она улыбается.

— Тебя зовут Джеймс, — говорит она. — Ты начало моего величайшего труда. Добро пожаловать. Мы многое должны успеть.

Он садится, не отрывая от нее взгляда.

— Но я не знаю, что это за труд.

— Не волнуйся.

Ее улыбка — первый кирпичик, заложенный в нечто, которое она однажды назовет невероятной дорогой. Сегодня, сейчас, прямо в этот момент, они начинают свое путешествие в Невозможный город.

— Я покажу тебе, — говорит она.

Свершилось. Поворачивать назад уже слишком поздно.

Эйвери смотрел на Циб, а Циб смотрела на Эйвери, и никто из них точно не знал, что делать с тем, что они увидели.

Эйвери увидел девочку своего возраста в юбке с заштопанными про-
рехами по всему подолу. Некоторые были заштопаны еще ничего. Другие,
казалось, вот-вот разойдутся снова. Носки были из разных пар, на блузке
виднелись заплатки, а волосы были так растрепаны, что, если бы она до-
стала оттуда полный набор столового серебра, сэндвич с сыром и живую ля-
гушку, он бы не удивился. Грязные ногти, исцарапанные колени — в общем,
она была не из той породы людей, общение с которыми одобрила бы его мать.

Циб увидела мальчика своего возраста в чересчур белой рубашке и че-
ресчур отглаженных брюках. В его отполированных туфлях отражалось
ее лицо с широко распахнутыми глазами. Аккуратно застегнутые ман-
жеты и безупречно чистый пиджак делали его похожим на маленького ма-
стера похоронных услуг, который по ошибке забрел в район, где слишком
много живых людей и совсем мало мертвых. Ногти у него были аккуратно
подстрижены, и он выглядел так, будто никогда не катался на велосипе-
де, — в общем, он был не из той породы людей, общение с которыми одо-
брил бы ее отец.

— А ты что тут делаешь? — спросили они в один голос и уставились
друг на друга, не спеша отвечать.

А. Дебора Бейкер «За лесогранной стеной»